

Лала А. Мур
ВСЁ БУДЕТ ГОРЕТЬ.

ПРОТИВ ТЕБЯ

Я СЖИГАЛА ТЕБЯ,
А ТЫ ДУМАЛ, ЧТО ГРЕЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лала Мур

Против тебя

<https://litres.ru/74229534>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лос-Анджелес, 1999 год.

Харли Пирсон - проблемная ученица с длинным списком приводов, зависимостью от огня и репутацией девушки, от которой лучше держаться подальше. Она выросла среди бедности и насилия, давно усвоив простую истину: если мир хочет видеть в тебе монстра - пусть получает монстра.

Джордан Грин - золотой мальчик Академии Хайланд. Капитан школьной команды, сын влиятельного политика и парень, которому с рождения расписали будущее по пунктам. У него есть деньги, статус, уважение и жизнь, о которой другие могут только мечтать.

Они должны были никогда не пересечься.

Но когда подростков из неблагополучного района переводят в элитную академию, старая ненависть между двумя мирами вспыхивает с новой силой. Игра, начавшаяся как попытка уничтожить друг друга, постепенно выходит из-под контроля.

Пока школа захлёбывается слухами, репортёры публикуют фотографии, а город готовится к последствиям чужих ошибок,

Харли и Джордан оказываются втянуты в опасную войну, где проиграть могут оба.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лала А. Мур

Против тебя

Пролог

7 лет назад

В периоды моей ненависти к людям я промышляла спичками и зажигалкой. Отец вечно оставлял их на видных местах, будто подначивая во мне маленького вора.

За последние три года на нашей улице сгорело четыре дома. Соседи шептались, что это не иначе, как проклятье. Я же знала, что жидкость для розжига в каждом из этих домов лежала в гараже.

Удивительным стечением обстоятельств никто никогда не думал на меня. Хотя я постоянно и оказывалась рядом с центром событий.

Возможно, они не могли указать на маленькую девочку, чей дом также сгорел, забрав её мать. Это случилось в восемьдесят восьмом году неожиданно жарким весенним днем. Увы, я не помнила этот день, а отец не мог мне рассказать, заливаясь алкоголем. Он вообще редко был трезвым, за исключением, наверное, годовщины смерти матери. Правда ночью опять брался за бутылку, гремя стеклом в гостиную.

Мой отец, Коди Пирсон, был странным человеком. Он не

хотел переезжать, редко ходил на работу и любил выменивать вещи на бутылку пива. Его волосы поредели и поседели после смерти матери, образуя залысину, а щетины на лице стало больше. Живот увеличился в несколько раз, а вместо голубых глаз стали видны лишь синяки под ними.

Из-за него же мы не переехали после пожара. Ему было плевать на вид дома, который, мягко говоря, был ужасным. Впрочем, по прошествии времени, меня тоже перестало это волновать.

Здание было одноэтажным и облезлым. Крыша покосилась, будто вот-вот рухнет, а стены блевотного бледно-розового цвета трескали по швам. Забор — ржавый, с дырками, будто его грызли собаки. Кусты вокруг никто не стриг, так что найти дорожку было сложно. Единственное, что привлекало внимание, это машина перед домом — Кадиллак Эль-дорадо персикового цвета. Правда, краска на ней уже облупилась, а отец не занимался ремонтом года четыре. Возможно, она уже заглохла.

Внутри дома всё было ещё хуже: обои отклеились, на кухне периодически текла раковина, а в ванной плесень цвела ярче, чем редкие растения за окном. Всё было криво и косо, но я привыкла.

В субботу июля девяносто второго года за окном снова стояла жара, удушающая и невыносимая. В принципе, что типично для Южной Калифорнии. Мы жили в Бойл-Хайтс, восточном районе Лос-Анджелеса, и у меня вечно было ощу-

щение, что меня засунули в духовку.

Днем термометр легко переваливал за тридцать, а ночью чуть остывал, но я все равно обливалась потом. Моя футболка вечно прилипала к телу, а волосы выглядели грязными.

Когда я все же приоткрыла глаза, слыша за окном с выцветшими шторами пьяные разборки отца, тело уже было мокрым. Пот стекал по лбу, пока я пыталась прийти в себя и рассматривала грязный потолок. Запах горелой резины ударил в нос. Видимо, опять проводка сгорела.

Через несколько минут я все же поднялась с кровати, чуть не ударившись головой об одно из ружей, висевших на красновато-коричневой стене. Их повесил отец, так как некуда было их деть — теперь они смотрятся тут как часть декора, так как он про них забыл.

Мои руки потянулись к старенькому, обшарпанному комоду, заваленному всякой чушью: баночками с косметикой, старыми фотками, даже банановая кожура валялась. Я быстро стянула с себя мокрую лиловую майку на бретелях, заменяя на белую футболку с какими-то принцессами и натягивая красные шорты на голые ноги. Для девятилетней я была слишком самостоятельной, но такими были большинство детей нашего района. Как и большинство родителей - пьющими. Я не знала ни одного родителя, который бы не пил.

Кондиционер, занимающий весь подоконник, неприятно закричал, и я ударила по нему со всей дури, чтобы он пришел в себя. Как учил отец.

Смахнув каштановые пряди с лица, я наконец вышла из комнаты, по пути заглянув в ванную. Там пахло сыростью, и, умывшись, я выскользнула оттуда, пробегая по маленькому коридорчику в сторону совмещенной гостиной и кухни.

Как я и предполагала, папа был на улице, так что я тут же прыгнула в шлёпанцы и вышла, сразу сощурившись от яркого солнца. Отец стоял на тротуаре за сеткой забора, крича на нашего соседа, Кингсли Эллиса. Они были похожи на близнецов в своих майках-алкоголичках и серых шортах, только Кингсли был красивее и выше моего отца.

Его взгляд упал на меня, пока я пряталась за сеткой.

—А вот и леденец, — его губы растянулись в улыбку, рассматривая меня и останавливаясь на голых коленках. Я улыбнулась в ответ, подставляя руку ко лбу, чтобы хотя бы что-то увидеть.

Отец обернулся, через спину стреляя в меня глазами. Ему не нравилось, как мистер Эллис меня называл, хоть он и объяснял это цветом моих глаз. Из-за какой-то генетической мутации, как говорили врачи, я имела светло-розовый оттенок радужки. Как леденец.

—Кыш, — прошипел папа, ударив пятерней по сетке так, что та чуть не двинула мне по носу.

Я фыркнула, скорчив лицо, чем вызвала усмешку Мистера Эллиса.

—Даже не думай на нее смотреть, — зарычал папа на соседа, но я уже ушла вглубь заднего двора, продвигаясь вдоль

сетки.

Несколько секунд назад я заприметила чёрную голову со сложной причёской в виде нескольких косичек. Дойдя до конца двора, я вытянула голову, перегибаясь через маленький забор. На траве в светло-голубом платье сидела Лулу - падчерица Кингсли. Она уткнулась лицом в пластмассовые игрушки, сидя на корточках и отыгрывая какую-то сценку.

—Эй, мышка!, — её голова поднялась на мой зов, а черные брови приподнялись. Лулу была пугливой и имела узкие черные глазки, из-за чего я так ее и прозвала. Но она не обижалась.

Порыскав глазами, я нашла дыру в заборе и перелезла через нее, чуть не порвав шорты. Лулу уже встала с корточек, осторожно оглядываясь по сторонам и подходя ко мне.

—Ты уже завтракала?, — спросила я, пробегаясь глазами по их двору. Их дом был чуть больше нашего и выглядел уютнее, правда желтый цвет стен меня отталкивал.

Лулу отрицательно замотала головой, пытаясь выговорить ответ, но её заикание ей мешало. Я стёрла пот со лба, в любом случае понимая её ответ.

—Пойдем, — взяв подругу за худую бледную руку, я потянула её в сторону своего дома.

Подсадив ее, я помогла ей перелезть через дыру в железной сетке, а затем полезла вслед за ней. Лулу была маленькой и худой, поэтому поднимать её мне — девочке в два раза больше — было не сложно.

Мы обошли мой дом по кругу, чтобы не столкнуться с отцами, и вылезли в другую дыру. Солнце слепило глаза, а дыхание стало уже тяжелым, но мы продолжили идти по песочной земле. Ноги Лулу в маленьких сандалиях заплетались, пока я тащила её за руку.

Мы дружили слишком долго, чтобы я могла вспомнить точную дату нашего знакомства. Однако я помнила, что в тот день мы вместе бежали от стаи собак, обитающих на окраине города. Лулу тогда запыхалась так, что чуть не упала, а потом я успокаивала её, пока она рыдала, сидя на тротуаре. Она вообще была той еще плаксой, но мне нравилось её успокаивать, изображая сценки из наших любимых мультиков.

А еще мне нравилось, что она умела меня слушать и каждый раз удивленно поднимала брови, когда я рассказывала об очередной драке в школе. Она боялась таких вещей, но всё равно стояла на моей стороне, даже если в ссоре с кем-то была виновата я.

Мы прошли район наших домов, уже еле перебирая ногами, когда вышли на проезжую улицу к магазину. Осмотревшись, я сжала ладонь Лулу сильнее и перебежала дорогу, пока машин не было.

Адреналин в крови подскочил, дыхание участилось, и я на секунду остановилась, поворачиваясь лицом к уже очевидно перепуганной Лулу.

— Подожди меня тут, — я сжала её плечи, пока она не кивнула.

Мои губы растянулись в улыбке, глаза слегка расширились, и я с новой уверенностью двинулась в маленький магазин. Отец говорил, что он принадлежит какому-то жадному мексиканцу, поэтому иногда можно ему подгадить. Что было странно, ведь моя мама тоже была латиноамериканкой.

Решетки на стеклах меня не пугали, тем более в магазине я была не одна. Толстый хозяин стоял за кассой, общаясь с такой же крупной женщиной. Я не могла расслышать, о чем они говорят, но мужчина выглядел заинтересованным, поэтому я без страха двинулась в сторону прилавков со снеками.

Стараясь не шуметь, я осторожно хватала маленькие шоколадки Milky Way трясущимися от азарта руками. Мои глаза то и дело возвращались к стойке, а слух напрягался при каждом повышении голоса мужчины.

Взгляд зацепился за коробок спичек. Я задержалась, чувствуя, как учащается сердцебиение. Надо было их схватить. Надо было забрать всё, а потом поджечь этот чертов магазинчик и смотреть, как огонь разъедает продукты.

Перед глазами вспыхнуло пламя, а в груди разлилось тепло. Я зависла, случайно зашуршав одним из снеков.

—Эй!

Моя голова поднялась, а инстинкты прогнали наваждение. Нахмурившись, на меня смотрел хозяин магазина, медленно выходя из-за стойки. Мне хватило этих секунд, чтобы прийти в себя, схватить спички и рвануть к выходу.

—Стой, мерзавка!

Его тучное тело явно двигалось медленнее моего, поэтому выбежав, я рассмеялась во весь голос, хватая свободной рукой Лулу и убегая в наш район. Моё сердце билось, отдаваясь в ушах, пока мы неслись по маленьким улочкам, отсекая преследование.

Вскоре, уставшие мы остановились возле окраины нашего района, ближе к высокому мосту. Под ним вечно тусили подростки, из-за чего все было изрисовано граффити. Я окинула пару надписей взглядом, передавая в трясущиеся руки Лулу еду. Спички остались при мне.

Моё дыхание почти восстановилось, а вот Лулу всё никак не могла унять вздымающейся груди.

—Всё в порядке, мы же оторвались, — я слабо потрепала ее по плечу, заставив обратить внимание на себя. Обычно взгляд глаза в глаза ей помогал.

—Что, е-если т-тебя по-оймают к-когда-нибудь?— она задавала этот вопрос после каждой моей шалости. Я закатила глаза, громко цокнув.

—Этого не произойдет, — я улыбнулась ей шире, взяв из её рук один батончик,— Я слишком быстро бегаю.

Подмигнув, я откусила шоколад, чувствуя приятную сладость на языке. Настроение повышалось всё быстрее, и даже душная жара уже не так бесила. Облизнув губы, я снова оглядела остатки посиделок подростков, чувствуя легкое удовлетворение.

Я жила не так далеко от этого моста, поэтому часто слышала их крики и веселье. Иногда Кингсли Эллис выходил из дома поздней ночью с ружьем, гоняя их. В основном, там были мексиканцы, из-за чего мой отец называл нашего соседа расистом. Я не уверена, что папа тоже не был таким.

В принципе, я считала это странным. Наш район буквально наполовину состоял из латиноамериканцев.

Мой взгляд случайно остановился на горе беспризорной мебели. Грязный диван и небольшая тумбочка. В горле пересохло, а в груди ходуном заходило сердце. Я сжала в кармане шорт спичечный коробок, краем глаза наблюдая за завтракающей подругой. Её страх вроде бы прошел, однако меня уже было не остановить.

—Приготовься бежать,— мои слова заставили Лулу поднять испуганный взгляд и перестать жевать.

Тем временем я достала из кармана спички, аккуратно оглядываясь и приближаясь к мебели. Глаза постепенно загорались, пока я пыталась умерить свой пыл.

И вот спичка чиркнула. Я подняла её к глазам, рассматривая маленький виток такого манящего пламени. Облизнув губы, я не стала медлить и кинула спичку в разрушенную мебель.

Через несколько секунд почувствовался знакомый запах гари и дыма. Я вдохнула полные легкие, наблюдая за медленным поглощением вещей огнём. Языки пламени облизывали каждый новый объект, заставляя меня с восторгом на-

блюдовать.

Моя нога соскользнула, и я уже хотела сделать шаг ближе, как сзади за предплечье меня схватили. Злость вспыхнула моментально, и я резко развернулась, сверля Лулу взглядом.

—Н-надо идти. Д-дым увидят, — она подняла указательный пальчик и указала на столп дыма, уже поднимающегося под мостом.

Я тихо выдохнула, последний раз восхищенно взглянув на языки пламени. Нам действительно надо было уходить. Ведь Лулу не тянуло к огню. Никого так не интересовал огонь, как меня. Он лился по моим венам, вместо крови, и я точно знала это. Я чувствовала его, его тепло и жар. Иначе и быть не могло. Иначе мою мать не поглотил бы огонь, чтобы возродить меня.

Глава 1

Harley Pierson

1999 год

То было семь лет назад. Я была глупым ребенком, считающим, что мои проделки останутся на всю жизнь безнаказанными из-за трагедии моей семьи.

Но увы, так не случилось, и за семь лет меня несколько раз ловили, помещали в центр содержания несовершеннолетних и заносили шалости в моё дело.

Можно ли сказать, что меня чему-то это научило? Конечно. Осторожности, недоверию и мести. Я научилась убирать за собой следы, врать без эмоций на лице и отвечать тем, кто считал себя выше.

Ненависть росла во мне с каждым годом, копилась где-то в закоулках мозга и увеличивалась по мере наказания, что мне выдавали.

Отец перестал реагировать после третьей моей поимки. Для начала, конечно, он провел воспитательные методы, избив меня шнуром от старого телевизора, а потом сам же и рассказал, как воровать «красиво».

Когда меня арестовали за кражу со взломом год назад, он даже ничего не сказал. Я подумала, что он слишком пьян, чтобы говорить, но позже, на встрече уже в центре, он лишь покачал головой, советуя закончить с отсидками до совер-

шеннолетия.

Меня забавляло, как он принимал мою жизнь и тягу к интересным вещам. Я мало знала о его жизни до брака с матерью, но что-то мне подсказывало она прошла так же, как и моя.

Седьмого сентября девяносто девятого года главный начальник центра наконец подписал приказ о моем освобождении.

Я мигала ему глазками все то время, пока собирала свои вещи и переодевалась в одежду, отличную от рыжей робы. Вообще, комбинезон мне шел, но я бы предпочла красный цвет.

Сухой воздух и горячий ветер обдали моё лицо, как только я покинула здание. На лицо натягивалась улыбка, но я старалась сдержаться, топая к машине Сорайи, своей подруги. Отец, как обычно, пропустил столь важное мероприятие.

— Посмотрите, кто снова вышел?, — съязвила девушка, стоя возле своей машины и опираясь на дверцу локтем.

Сорайя была моей одноклассницей в средней и теперь уже старшей школе. Ее рост точно превышал метр восемьдесят, из-за чего я со своим метр шестьдесят два выглядела подобно ребенку рядом с мамой.

— Надеюсь, ты рада, — усмехнулась я, закидывая сумку на заднее сиденье старенького Шевроле.

Сорайя закатила глаза, поправляя свои бледно-розовые пряди волос, которые так сильно контрастировали с темной

кожей. Кажется, она уже сожгла их все, красясь с двенадцати лет. Темные корни уже проглядывались, но похоже, ее это не волновало.

Я запрыгнула на пассажирское сидение, когда она села за руль. Машина заурчала под нами, и я тут же полезла в бардачок, по обыкновению находя там пачку сигарет.

Чиркнув зажигалкой, я затаилась, выдыхая облако дыма. Легкие наполнились приятной истомой, и на моём лице растянулась улыбка.

Сорайя закатила глаза, наблюдая за мной. Одна из её рук лежала на руле, пока второй она подожгла сигарету, которую перед этим я засунула ей в рот.

— На этот раз хоть что-то в мозгах отложилось?, — прохрипела она, заворачивая на проезжую часть.

Я сделала еще одну затяжку, ухмыльнувшись. Мои глаза опасно сверкнули.

— Конечно, — лилейным голосом произнесла я, играя с зажигалкой, — Теперь красть буду тихо и без угроз.

Сорайя фыркнула, выдыхая дым перед собой. Она не была паинькой и все же не занималась тем, что делала я. Не то, чтобы её семья была лучше или богаче. Всё же мы были из одного района.

— Разве за тобой не закрепили няньку?, — она прошлась по мне взглядом карих глаз, щурясь от дыма, летевшего ей в лицо.

— Да, как обычно, — цокнула я, сжимая фильтр в руке

сильнее.

После каждого попадания в центр за человеком закреплялся куратор, к которому мне нужно было приходить раз в две недели с отчетами о своей успеваемости и тому подобное. Моя верхняя губа приподнялась в отвращении после мыслей об этом, а Сорайя ухмыльнулась.

— Если не хочешь вернуться туда, придется ходить, — подливала масла в огонь девушка. Я выкинула в окно окуроч, чувствуя, что еще чуть-чуть и подожгу ей салон машины.

— Мне плевать, — руки потянулись к магнитоле, стараясь включить что-то из музыки. К черту я наслушалась нотаций за год в центре.

— Тебе уже шестнадцать, Харли, — ее голос становился серьезнее. Сорайя Пью была настоящей мамочкой, ничего не скажешь. Кажется, при моем задержании она злилась больше, чем мой отец.

— Я знаю, сколько мне лет, — огрызнулась я, находя кассету с названием «Californication — Red hot Chilli Peppers»

Вставив её в магнитола, я откинулась на спинку сиденья, дергая ногой под бит.

— Тем более, должна понимать, чем закончится следующий арест, — не унималась Сорайя, жужжа у меня над ухом, как назойливая муха. Она выкинула окуроч, цепляясь двумя руками за руль.

— Не отвлекайся от дороги, — бросила я, поправляя белый топ на бретельках. За год моя грудь, видимо, выросла,

поэтому одежда периодически натягивалась, оголяя живот.

Сорайя фыркнула, надевая солнечные очки и отворачиваясь к дороге.

Она не могла мне указывать. Я и сама прекрасно понимаю, что будет, если я снова попадусь в следующие несколько лет. Тюрьма будет ждать меня с распростертыми объятиями. Конечно, это не входило в мои планы.

Через несколько минут, почти под конец песни, мы завернули на мою улицу, и Сорайя остановилась около побитого временем дома. Он не менялся, за исключением растительности, ставшей в два раза выше.

— Ты завтра идешь в школу? Или на домашнем аресте?, — я оторвалась от рассматривания дома, отвлекаясь на вопрос подруги. Приподняв ногу, я с ухмылкой показала отсутствие следящего браслета на щиколотке.

— Пойду конечно, — вытащив с заднего сиденья сумку, я потянулась к ручке двери, — Надо же посмотреть, как изменилась старшая школа Бойл-Хайтс.

Я подмигнула девушке, выскакивая из автомобиля, и Сорайя снова закатила глаза. Она сидела вполоборота, слегка сторбившись. В таком её положении я легко могла увидеть татуировку между её грудей. Она набила её в четырнадцать.

— Не натвори ничего до завтра, — съязвила Пью, сощурившись.

Я показала ей средний палец, сморщив нос. Моя рука не опускалась, пока она не отъехала на достаточное расстояние.

Накинув сумку на плечо, я наконец развернулась и толкнула ногой калитку. В маленьком дворе уже валялись бутылки. Где-то даже разбитые.

Мои глаза закатились, и я прошла мимо, открывая дверь, которая по обыкновению была не заперта. Тут же послышался храп. Повернув голову, я увидела на побитом жизнью диване отца. Он запрокинул голову назад, широко открыв рот. Всё та же майка-алкоголичка, растянутые шорты и догоревшая сигарета в руке. Прибавляются лишь морщины и килограммы.

Я закрыла дверь, проходя вглубь дома. Здесь, как обычно пахло перегаром и жженой резиной. На лицо даже натянулась улыбка от родной атмосферы. В центре пахло хлором.

Открыв дверь собственной комнаты, я чуть не задохнулась от запаха гнили. На обшарпанном комод лежал мой прошлогодний обед.

Зажав нос, я прошла, быстро выкинув остатки еды в окно. Отец не заходил в эту комнату с момента моего задержания? Ожидаемо.

Приземлившись на кровати, я кинула сумку на кресло-качалку и несколько секунд осматривала родные облезлые стены. Кое-где виднелась плесень, а запах заставлял глаза слезиться. Я закусила щеку, продолжая упрямо сидеть на месте, пока не потянулась к комоду.

В нижнем шкафчике лежала коллекция спичек и зажигалок. Я дернула одну, тут же начиная крутить колёсико. Пла-

меня то появлялось, то исчезало. Запах газа начал усиливаться, а я зависла, наблюдая за красным огоньком.

Я не могла избавиться от этого. Мне нравился вид огня, мне нравился треск горящего дерева, запах дыма и жжения. Руки тянулись к огню, а глаза застывали каждый раз, когда я смотрела на него.

Сорайя как то раз сказала, что в свете пламени мои радужки приобретают красный оттенок. Это был мой любимый цвет.

На кухне раздался звон стационарного телефона. Я резко перестала играть с зажигалкой, поднимая голову. Звук продолжал трещать на весь дом, и я не выдержала, выходя в коридор.

Пройдя мимо отца, я сняла трубку, прикладывая её к уху.

— Да?

— Харли...это ты? Сора сказала, что тебя отпустили, — на той стороне раздался голос Лулу. Мои плечи расслабились, и я пожалела о грубой интонации, с которой начала диалог.

— Да, Лулу, я дома, — я прижалась к косяку стены, наблюдая за кряхтящим отцом, отчаянно пытающимся открыть глаза.

— Я рада, надеюсь всё хорошо? Ты в порядке? Завтра придешь в школу?, — ее вопросы полились рекой, а щебечущий голосок вернул меня на год назад в тот день, когда меня увезли. Лулу плакала тогда больше всех.

— Всё в порядке, и да я приду.

На том конце повисла тишина. Будто она не знала, чем заполнить пустоту или не знала, что можно спрашивать, а что нет. Я оборвала её прерывистое дыхание:

— Давай завтра встретимся и поговорим, да?

— Да, конечно. Отдыхай, Харли.

Раздались гудки, и я повесила трубку, наблюдая за очнувшимся отцом. Он повернул голову в мою сторону, почесывая затылок.

— Вернулась?

Я кивнула, сложив руки на груди. Он бросил сигарету в пепельницу, тут же доставая следующую.

— Сходи отцу за бутылкой поправиться.

Я поджала губы, наблюдая за его жалкими попытками найти зажигалку. С каждым годом он все больше был похож на недееспособного идиота. Это не радовало.

— Дай денег. Или мне снова надо в центр?

Папа поднял уставшие глаза, осматривая меня с ног до головы. Уголки его губ слегка приподнялись.

— Около плиты на кухне, — он махнул рукой в левую сторону, и я двинулась туда.

Дверь чуть не слетела с петель, когда я вышла на улицу.

Холодная вода окатила меня, заставляя вскрикнуть и вскочить с кровати. Я распахнула глаза, пытаюсь понять, что произошло.

Надо мной стояла Сорайя с кружкой в руке и ехидной улыбкой на лице.

— Какого хрена?, — зарычала я, пытаюсь убрать с лица мокрые пряди. Майка промокла, а по коже пошли мурашки от холодной воды.

— Ты опоздаешь в свой первый день, заключенная, — съязвила девушка, ставя кружку на комод и открывая его, — Давай резче.

Достав оттуда темные джинсы и черный топ с длинными рукавами, она кинула их на кровать, а сама отошла на приличное расстояние, видимо, чтобы я не пнула её в моменте.

— А можно было просто подергать меня?, — зашипела я, косясь на нее исподлобья, пока снимала мокрую одежду, переодеваясь.

— Так неинтересно, — я в который раз одарила её убийственным взглядом, поднимаясь с постели.

Сама Сорайя была одета в рванные джинсы на низкой талии и черную майку на бретелях. Ее глаза были густо накрашены тушью, а выпрямленные волосы разметались по плечам, выглядя так, будто она летела сюда на скорости под двести.

Через минуту мы уже сидели в машине, слушая Бритни Спирс, потому что на пассажирском сегодня восседала Инди Холлис — наша одноклассница и в какой-то степени подруга.

Мы с Инди познакомились лишь в средней школе и то,

только тогда, когда я вернулась с центра после своего первого ареста.

Инди имела неестественную загорелую кожу и светлые волосы, несколько прядей из которых она красила в голубой оттенок. Ее ресницы доставали до бровей, а декольте открывало почти всю грудь, начиная с тринадцати лет.

— Хватит малеваться, — цыкнула на нее Сорайя, пока девушка красила пухлые губы, смотря в боковое зеркало.

— Не нервничай, мы успеем, — пропела Инди, поправляя пару прядей, которые она закрепила в легкий хвост на затылке, оставляя остальные волосы рассыпью по спине.

— Куда ты так торопишься?, — подала голос я с заднего места, закинув ноги на кожаные сиденья и катая во рту вишневый леденец.

— Сучка Биггс сказала, что если я еще раз опоздаю, то она доложит моим родителям о неуспеваемости, — пробурчала Сорайя, давя на педаль газа и входя в поворот.

Мы с Инди чуть не отлетели в стекло, еле держась за сиденья. Миссис Биггс была директором и той еще занозой в заднице. Ее ненавидела половина школы еще со среднего звена.

— Кто-то говорил, что она трахалась с учениками. Это правда или слух был?, — год назад об этом сплетничали все, и я не могла не уточнить.

— Никто так и не узнал, но после этого Колина Симса перевели в другую школу, — захихикала Инди, рассматривая свои длиннющие ногти.

— Колин? Твою мать, ну у нее и вкус, — я поморщилась, заставляя девочек засмеяться.

Мы наконец подъехали к старшей школе Бойл-Хайтс, останавливаясь на оживленной парковке.

Здание ничем не отличалось от остальных трущоб нашего района, разве что чистыми дорожками. На стене уже виднелись граффити, а пару подростков разбрасывали бутылки на газон. На ржавых лавках сидели старшеклассницы, будто соревнуясь, у кого юбка будет короче.

Мы вышли из машины, и мои глаза тут же нашли Лулу. Она стояла среди компании своих двух сводных старших братьев, сведя плечи вперед и смотря под ноги. Мои брови нахмурились, когда наши взгляды столкнулись. Девушка буквально побежала в нашу сторону, игнорируя оставленных братьев.

Через две секунды она уже стояла рядом с нами, натянув на лицо улыбку. Я прижала её к себе, положив руку на плечо.

— Пойдемте, — нетерпеливо буркнула Сорайя, параллельно здороваясь с кем-то по пути. Инди уткнулась в свой навороченный мобильный, который непонятно, у кого своровала. Насколько мне было известно, она все еще проживала с младшей сестрой в приюте.

Мы зашли в небольшое здание, где уже воняло травкой, как на улице прогремел выстрел. Лулу прижалась ко мне сильнее, будто пытаюсь врасти, а все остальные застыли.

Мне показалось?

На улице тут же послышались крики.

Нет, не показалось. Глаза Инди расширились, и она заметалась между мной и Сорайей, которая так же застыла.

— Что блять происходит?, — прошептала она сквозь зубы, пытаясь рассмотреть через окно.

На улице снова раздались выстрелы, а через главный вход ворвались десятки учеников, расталкивая друг друга.

По инерции схватив Лулу, я побежала по коридору, пока за спиной не раздался звон разбитого стекла. Автоматически нагнувшись, я потянула за собой подругу, заставляя передвигаться, согнувшись.

Краем глаза я поймала розовые пряди Сорайи, а за ней блондинистые Инди. В коридорах начался переполох.

Что за хрень?!

Все бились друг об друга, пока окна разлетались от выстрелов, кроша стекло нам на головы. Я крепко держала уже рыдающую Лулу, стараясь не потеряться в хаосе криков и топота.

Через несколько секунд включилась сигнализация. Мою свободную руку схватили, и мы скопом залетели в пустой класс, попадая на пол.

— Твою мать, что происходит?, — зашипела я, потирая спину, на которую свалилась.

Сора шикнула на меня, тяжело дыша и сидя на корточках.

— Еще один стрелок, — шепнула мне Инди, успокаивающе поглаживая Лулу по плечу.

— Еще один? — приподняла я бровь, двигаясь за ними в сторону парт.

— В ноябре того года старшеклассник также пришел сюда с ружьем, — Инди сглотнула, переводя взгляд на Сорайю, — Слава богу никого не убил, но напугал знатно. Мы две недели были на каникулах.

Мои губы почти растянулись в ухмылке, пока я не взглянула на съёжившуюся Лулу. Ее трясло, как осиновый лист, а кожа стала бледной.

Я протянула к ней руку, заставляя посмотреть на меня.

— Мы в безопасности, Лулу, — ее губы тряслись, но я смотрела уверенно.

Ровно до того момента, пока выстрелы не раздались снова. Слишком близко, чтобы списать их на уличные.

Глаза Инди расширились, а у Лулу полилась новая порция слез. Сорайя была неподвижна, держа ручку двери и будучи самой близкой к опасности.

— Что ты черт возьми делаешь?, — прошипела я ей, привлекая внимание, — Иди к нам.

— Он зайдет, — прошептала она в ответ, и я услышала дрожь в её голосе, — Эта дверь не закрывается.

Я могла услышать, как сердце провалилось в пятки. Блять, я только вышла из центра. Какого черта?! Злость накатывала постепенно, но в голове уже роились мысли, которые нельзя было остановить.

Кто бы это ни был, он был гребанным мудаком, испортив-

шим мне первый день после выхода на свободу. Он должен был гореть в огне. Должен был испытать тот страх, что сейчас испытывали мои подруги.

Мои руки сжались в кулаки, ногти царапнули ладони, и я почти подскочила с колен, как меня одернули назад, грубо схватив за руку.

Я чуть не закричала, почувствовав острую боль от возможного вывиха, но тут увидела в тени стеклянной панели на двери силуэт.

Это был парень, его руки были подняты, а в них находилось то, чего сейчас боялись все. Гребанное ружье.

Лулу зажала себе рот, чтобы не закричать от страха, а Инди закрыла глаза. Мы с Сорайей уставились друг на друга, будто это могло нам помочь.

Ее взгляд не выражал ничего, и я не знала, такой же у меня или нет. Полное безразличие, но на дне тонна страха. Ее тело выглядело каменным в то время, как моё тряслось от гнева.

Я хотела выйти, хотела забрать его ружье и выпустить пару пуль в него. Руки зачесались, а затем его силуэт исчез.

На улице слышались сирены. Я поджала губы, выдыхая и отводя взгляд от Соры.

Похоже, мы были обе готовы сегодня умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.